

Великая русская революция

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5; kirvik@bk.ru)

К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ОПЫТА 1917 г. В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются основные причины Февральской революции 1917 г., ее связь с революцией Октябрьской и дальнейшей историей России. Показано, что все революционные потрясения столетней давности не были изолированными событиями – они связаны как с предшествующими событиями: убийством Александра II, П. Столыпина и т.п., так и с последующими. Автор доказывает единство транзита с 1881 г. до настоящего времени, в котором и события 1917 г., и распад СССР, и конфликт 1993 г. являются составными элементами. При этом надежда на избежание революционных потрясений связывается с особенностями социокультурной ситуации в российских регионах, с той ролью, которую играет там действующий субъект.

Ключевые слова: Россия, социология, политология, революция, монархия, православие, социальные трансформации

Наступивший год – год столетия Великой русской революции. И потому, конечно же, осмысление ее опыта сейчас рассматривается как задача не только сугубо научная, но и политическая. Споры о причинах революции, ее роли в российской и мировой истории, значении ее опыта для современной политики должны быть сегодня едва ли не центральными в актуальном дискурсе всех социально-гуманитарных наук России. Особенную остроту данной дискуссии придадут и события, происходящие на наших глазах в близкой нам стране – Украине. Там мы видим в реальности все то, о чем раньше можно было лишь прочесть в художественной литературе, посвященной революционным событиям прошлого века (например, в «Хождении по мукам» А.Н. Толстого или «Белой гвардии» М.А. Булгакова).

Конечно, любые даты условны, нумерологические изыскания современная академическая наука категорически отклоняет. Но история России столь глубока и обильна событиями (не говоря уже о всемирной истории), что просто необходимы какие-то вехи, позволяющие так или иначе структурировать процесс исторической рефлексии. Потому можно сказать, что абсолютно верен, справедлив призыв президента РФ воспользоваться юбилейной датой для серьезного осмысления происшедшего 100 лет назад, поскольку «российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий»¹. К большому сожалению, социально-идеологический раскол, вызванный революцией 1917 г. и Гражданской войной 1918–1920 гг., до сих пор не изжит, почему и дискуссия о событиях того периода неизбежно переходит из академической в острополитическую. И поэтому требуется определенное внутреннее усилие, чтобы попытаться дать сколько-нибудь объективный научный анализ происшедшего.

Теоретической основой данного анализа здесь может выступать условная двухчастная модель социального мира [Подьячев 2012], восходящая к Г. Гегелю и А. Токвилю [Коэн, Арато 2003: 142]. В этой модели существуют две сферы – поли-

¹ Путин В.В. Послание Федеральному собранию РФ 2016 года. – *Официальный сайт Президента РФ*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (проверено 13.03.2017).

тическое сообщество, или политическая система, в которую помимо государства в узком смысле входят и политические партии, и группы давления, и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти, с одной стороны, и с другой — неполитическое сообщество, или, по Ю. Хабермасу, жизненный мир, сфера частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы. Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого — социума, но при этом их функционирование основано на абсолютно различных принципах.

Политическая сфера, как это заметил еще Аристотель, ориентирована на общее благо [Аристотель 1997: 35], которое не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто, в корне от них отличное. Неполитическая сфера ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным образом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причем власть публичная. Для неполитической сферы ключевым понятием является интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчиненный», ибо любые роли в ней являются условными и временными: в гражданском обществе «совершенно неясно, кто начальник» [Геллнер 2004: 216].

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. А подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

Вместе с тем очевидно, что политическое и неполитическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой, и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Как указывал в своей знаменитой статье Дж. Катлин (1956 г.), «средства управления имеют своим истоком обычные нужды людей» [Катлин 2008: 120], т.е. политическая власть необходима для нормального функционирования социума. Но неполитическая сфера всегда сохраняет свою относительную автономию, поскольку стремления людей никогда не исчерпывались одними только политическими интересами.

Применив данную схему к анализу революционных событий 1917 г., особенно в соотнесении их с событиями 1991 г. и современной ситуацией, можно получить некоторые обобщения, дающие надежду на формирование целостной картины происшедшего именно с точки зрения извлечения уроков, актуальных сегодня.

Применяя описанную выше модель, можно определить революцию именно как распад связи между политическим и неполитическим и одновременно как разложение самого политического на отдельные фракции, уже не способные к адекватной коммуникации. Именно это можно было наблюдать в феврале 1917, когда политическая элита отвернулась от царя, народ — от элиты; все социальные группы жили в своем мире и уже с трудом понимали язык друг друга. Достаточно сопоставить официальные политические сообщения того времени («Его Императорское Величество соизволил удостоить Высочайшим посещением...»), статьи в либеральной печати и подпольно тиражируемые листовки эсеров и большевиков, чтобы увидеть всю глубину даже чисто языковых различий. В таких условиях в обществе возникает эффект Вавилонского столпотворения: люди произносят одни и те же слова, но вкладывают в них различный смысл, вследствие чего любые переговоры становятся невозможными. В нескольких иных терминах, но примерно о том же самом говорят и непримиримые антагонисты

В.И. Ульянов (Ленин) и П.А. Сорокин, когда «независимо друг от друга выделяют схожие факторы, приводящие к революциям» [Студеникина 2014: 133].

В результате этого коммуникационного разрыва власть утратила способность воспринимать поступающие от общества сигналы (равно как и общество — понимать логику власти). А данная способность является необходимым условием нормального функционирования системы управления, что отмечали политические мыслители разных эпох — от легендарного индийского мудреца [Артхашастра... 1993: 45] до Д. Истона. Крушение государства стало закономерным итогом.

Пришедшие к власти в результате Февральской революции группы, будь то либералы во главе с князем Г.Е. Львовым или же социалисты из Петросовета, были далеки от реальных нужд народа, пребывали в своем иллюзорном мире и оказались еще менее способными создать адекватную коммуникацию между двумя подсистемами социума, нежели прежнее правительство. Одни только большевики (и отчасти эсеры) смогли освоить язык масс и начать говорить с людьми о том, что тех действительно волновало (земля, мир). Потому П.А. Сорокин абсолютно справедливо указывает на предрешенность Октябрьской революции, зародившейся уже в феврале [Сорокин 2004: 388].

Но, на наш взгляд, Сорокин, вскрыв глубинные причины социальных потрясений, допустил серьезную ошибку, не уделив достаточного внимания духовной составляющей социальной жизни. В результате главной движущей силой революционных трансформаций у него выступают «безусловные рефлексy» [Сорокин 2004: 382]. А «условные рефлексy», к числу которых он относит и идентичность (этническую и религиозную), по его мнению, могут определить только лозунги движения, но никак не породить его. Здесь он по сути не расходится с марксистами, везде видевшими только экономические причины. Такое понимание, очевидно, восходит к французским мыслителям Ф. Кенэ (1694—1774), П. Кабани (1757—1808) и др., трактовавшим природу человека сугубо механистически и сводившим мышление к побочному продукту естественных отправления организма. Между тем история знает массу примеров, когда трудности и испытания только укрепляли и сплачивали общество. Также известно множество социальных потрясений, которые вовсе не приводили к крушению государства и распаду общества. Представляется, что перечисленные Сорокиным причины действительно способствуют формированию ситуации, когда коммуникация между политическим и неполитическим становится крайне затруднительной, а всплеск неконтролируемого насилия — весьма вероятным. Но детонатором революционного взрыва могут выступить только нематериальные и неинстинктивные факторы.

Также следует обратить внимание и на фактор «антисистемы» — организованной социальной группы, намеренно провоцирующей революцию и преследующей цель не просто смены политической власти, но разрушения всей социальной системы [Кошен 2004], чего Сорокин, да и другие авторы почему-то не заметили. Причин возникновения антисистем немало, они могут быть связаны с этническими, религиозными и рядом других факторов, останавливаться на которых в рамках данного текста нет возможности. Несомненно, «ущемления базовых инстинктов», о которых пишет Сорокин, способствуют росту популярности антисистемы, создают для нее благоприятную среду, но само ее формирование связано опять же с факторами нематериального характера. Представляется, что основой ее является «обратная система мироощущения» [Гумилев 2008: 206], представляющая само бытие как безусловное зло. Корни такого миропонимания лежат глубоко в человеческой психологии и требуют отдельного исследования. Здесь же важно отметить роль антисистемы в русской революции (в данном случае — это все революционное движение, в основном

настроенное не только против монархии, но и против православной веры и всей русской традиции).

Представляется, что, хотя крушение Российской империи было связано с очень сложной комбинацией факторов, решающими стали кризис православия и подъем национализма, порожденный национальной политикой императора Александра III.

Кризис православия восходил, конечно, к церковному расколу XVII в., но его усугубили реформы Петра Великого (упразднение патриаршества) и Екатерины (ликвидация церковного землевладения), ослабившие Церковь и поставившие ее в полную зависимость от светской власти и богатых людей. В результате в течение XVIII в. почти вся свободная мысль была выдвинута из православной церкви в раскол, прежде всего в беспоповщину. Поэтому, когда после 1812 г. у образованного общества вновь обозначился интерес к религии, к церковной жизни, Церковь с трудом могла ответить на появившийся запрос. Идеи А.М. Бухарева (в монашестве – архимандрит Феодор, 1822–1871) не нашли должного понимания, и намечавшийся диалог Церкви с обществом так и не состоялся в полной мере. Хотя в течение всего XIX в. неустанно трудились и выдающиеся подвижники православия (среди них стоит назвать святителей Филарета Московского и Феофана Затворника, преподобного Серафима Саровского, преподобных Льва, Амвросия и других оптинских старцев, преподобного Варнаву Гефсиманского) и светские мыслители, обращавшиеся в своих исканиях к духовному опыту русского православия (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев), все же основное направление отечественной мысли шло в противоположную от православия сторону. В творческом противостоянии великих писателей, олицетворявших две линии русской мысли, в тот период верх взял не Ф.М. Достоевский, а Л.Н. Толстой.

Что касается императора Александра III, то ключевая ошибка его политики заключалась в том, что революционному движению, убившему его отца, он попытался противопоставить заимствованный в Германии национализм, не обратив внимания на существенную разницу между двумя странами. Германия была в целом моноэтнической страной, разделенной политически, а Россия – ровно наоборот. Потому национализм со ставкой на русский этнос стал для России губительным, поскольку сразу породил своеобразную «иерархию этносов» внутри одного государства. А такая конструкция не может быть стабильной. Процесс обособления этносов, живущих в империи, нациестроительства был запущен уже тогда, а после Февраля он лишь интенсифицировался. Советскому правительству ничего не оставалось, кроме как этот процесс оседлать, дабы использовать против Колчака и Деникина, выступавших за «единую и неделимую Россию». В дальнейшем же отступить было поздно, и воссоздать единое государство удалось только в виде объединения де-юре самостоятельных этнических республик. А в таком виде оно могло существовать лишь до тех пор, пока сохранялась жесткая власть, располагающая сильным аппаратом подавления.

Таким образом, можно видеть, что крушение монархии, а вслед за ней и государства было закономерным итогом цепи событий, которую, на наш взгляд, вполне правомерно исчислять с 1881 г., когда у России был шанс встать на путь эволюционного развития. Конечно, история сослагательного наклонения не терпит, но автор убежден: проживи Александр II еще 8–10 лет, история страны пошла бы по иному пути, на котором для революции не осталось бы места.

А Октябрьская же революция стала закономерным продолжением Февральской, на что указал уже П.А. Сорокин [Сорокин 2004: 388]. Советский Союз, как показано выше, изначально содержал в себе угрозу распада, т.к. основывался на принципе этнизма. Удерживать его удавалось только сочетанием «кнута и пряника», т.е. жестких мер и субсидий союзным республикам. Это породило невероятную

для подлинных империй ситуацию, когда центр содержал этнические окраины за счет государствообразующего этноса. Так, например, «в 1990 году в РСФСР производилось товаров и услуг на \$ 17500 на душу населения, а потреблялось на \$ 11800. А в Грузии производилось на \$ 10600, а потреблялось на \$ 41900 ...в то время, как каждый житель России отдавал другим республикам ...\$ 5700, каждый житель Грузии получал от других республик-доноров, прежде всего России, \$ 31300» [Холмогоров 2015].

На это наложилась еще и идеологическая ловушка. Она заключалась в том, что ленинизм был разрушителен как из-за слабостей жестко централизованной экономики, так и потому, что более или менее интенсивно уничтожал духовную основу России. Однако отказаться от ленинизма и мифа «Великого Октября» партия не могла, ибо тогда она потеряла бы легитимность как единственная властвующая сила. В конечном счете, когда марксизм-ленинизм совершенно потерял авторитет, а репрессивная власть ослабла, ничто уже не могло удержать республики вместе, невзирая ни на какие референдумы. Союз было нельзя сохранить, но только пересобрать. Однако на тот момент никакого нового принципа, на котором можно было бы построить такое объединение, не обнаружилось. Таким образом, можно констатировать, что распад СССР был запрограммирован изначально, при его создании.

Если мыслить так, то представляется, что и 1991 г. был продолжением 1917, а потому вполне справедливо вслед за академиком Ю.С. Пивоваровым говорить о едином Русском транзите, начавшемся в 1881 г. и не завершемом до сего дня [Пивоваров 2006: 9]. И потому вполне обоснованно мнение, что храм Спас на Крови в Санкт-Петербурге действительно обозначает ключевую точку российской истории как в пространственном, так и во временном отношении.

Никуда не исчез и фактор антисистемы, только теперь ее представляют не нигилисты, а так называемые либералы¹, которые, несмотря на маргинальное положение в политике, контролируют значительную часть медиапространства, науки, культуры и образования. На это накладывается и духовно-идеологическое оскудение всемирного масштаба, которое проявляется в отсутствии как конкретных политических программ [Халий, Подъячев 2016: 49], так и общего образа будущего². Но сегодня население значительно более образованно, чем 100 лет назад, и потому «общество» уже не ограничивается только столичными жителями и малочисленными группами в губернских городах. Как показали исследования, в которых автор участвовал лично³, политическая апатия на местах сегодня вызвана вовсе не равнодушием к жизни страны и патернализмом населения. Главная причина — твердое неприятие гражданами любой революционной (т.е. направленной на разрушение) программы. Локальные акторы: руководители муниципальных образований, директора школ, домов культуры, гражданские активисты — все те, кто формирует социальную атмосферу локальных сообществ, однозначно настроены против любых попыток организации в России каких-либо

¹ Мы категорически не согласны с применением этого термина по отношению к представителям политического сообщества и литературно-художественной богемы. Почему-то российские СМИ, особенно после 2011 г., упорно применяют этот термин к представителям так называемой Болотной, или несистемной оппозиции и сочувствующим им интеллектуалам. Хотя последние, судя по их же собственным публичным заявлениям, являются кем угодно, только не либералами в строго научном понимании этого слова.

² Здесь мы находим в современной ситуации подлинно библейские смыслы (Амос 8:11-14).

³ Речь идет об исследовательской группе Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН под руководством И.А. Халий, работавшей по проектам РФФИ «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» (ИКРБС ЕГИСУ 316021750028) и РГНФ «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России» (ИКРБС ЕГИСУ 316021750027). Охвачено более 20 субъектов РФ, основным методом сбора данных были глубинные интервью и фокус-группы.

политических преобразований насильственным путем. Более того, если совсем недавно *acteur* А. Турена понимался как своего рода революционер, для которого важно «поставить под сомнение все формы социальной организации» [Турен 1998: 199], то российский локальный актер, обладая всеми качествами турэновского действующего субъекта, по своим ценностным ориентациям является скорее интегратором в понимании Парсонса [Актуализированные... 2015]. Именно в такой социокультурной специфике российских локальностей нам видится залог надежды, что через современную глобальную нестабильность наша страна сможет пройти эволюционным, а не революционным путем.

Но в любом случае всем нам, трудящимся в сфере социальных и гуманитарных наук, сегодня необходимо внимательно анализировать опыт событий, предшествовавших 1917 г. и последующих; соотносить его с событиями недавнего времени (от «цветных революций» и Арабской весны до Болотной и Майдана). Только так можно будет выработать формулу национального примирения и принять все возможные меры, чтобы избежать подобных потрясений в будущем.

Список литературы

Актуализированные ценности современного российского общества (отв. ред. И.А. Халий). 2015. М.: ИС РАН. 273 с. Доступ: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf (проверено 13.03.17).

Аристотель. 1997. *Политика. Афинская полития*. М.: Мысль. 458 с.

Артхашастра, или «Наука политики». 1993. М.: НИЦ «Ладомир»: Наука. 793 с.

Геллнер Э. 2004. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М.: Изд-во МШПИ. 240 с.

Гумилев Л.Н. 2008. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Аст-Москва. 653 с.

Катлин Дж. 2008. Политическая теория: что это такое? – *Политическая теория в ХХ веке*. М.: Территория будущего. С. 107-137.

Кошен О. 2004. *Малый народ и революция*. М.: Айрис-пресс. 285 с.

Коэн Д.Л., Арато Э. 2003. *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Весь Мир. 783 с.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении*. М.: РОССПЭН. 167 с.

Подъячев К.В. 2012. Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии. – *Власть*. № 2. С. 103-107.

Сорокин П.А. 2004. *Социология революции*. М.: РОССПЭН. 701 с.

Студеникина Е.С. 2014. Социология революции: П.А. Сорокин vs В.И. Ленин. – *Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения)* (отв. ред. И.Е. Фадеева). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ.

Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего*. Очерк социологии. М.: Научный мир. 204 с.

Халий И.А., Подъячев К.В. 2016. Итоги выборов-2016 как отражение социально-политического развития российских регионов. – *Власть*. № 12. С. 45-50.

Холмогоров Е. 2015. Все держатся на остатках советской благотворительности. – *Взгляд*. Сетевой деловой журнал. 19.08. Доступ: <http://www.vz.ru/columns/2015/8/19/761827.html> (проверено 13.03.2017).

POD'YACHEV Kirill Viktorovich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, 117218, Russia; kirvik@bk.ru)

TO THE QUESTION OF THE REFINEMENT OF THE EXPERIENCE OF 1917 IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL AND VALUE TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The article analyzes the main causes of the February Revolution of 1917, its connection with the October Revolution and the subsequent history of Russia. It shows that all the revolutionary upheavals of a century ago were not isolated events, but they are related both to previous events, such as the murder of Alexander II, P. Stolypin, etc., and with subsequent ones. The author proves the unity of transit from 1881 up to the present time, in which both the events of 1917, the disintegration of the USSR, and the conflict of 1993 are constituent elements. At the same time, the hope for avoiding revolutionary upheavals is associated with the peculiarities of the socio-cultural situation in the Russian regions, with the role played by the acting subject.*

Keywords: *Russia, sociology, political science, revolution, monarchy, Orthodoxy, social transformations*